
Источник: Евгений Замятин. Избранное, М: Правда, 1989.
OCR В. Есаулов, февраль 2005 г.

У капитана Круга были брови. То есть брови, конечно, были и у всех тут в клубе: брови были у блестящих, белокипенных моряков-офицеров; брови были - очень искусные - у мадемуазель Жорж; очень тоненькие - у Павлы Петровны; замызганные - у Семена Семеныча; шерстяные - на заячьей мордочке китайца из буфета. Но никто не знал, что есть брови у офицеров, у мадемуазель Жорж, у Семена Семеныча, у китайца: знали только, что есть брови у капитана Круга.

Так он был бы, пожалуй, незаметен. Небольшого роста; бритое, медное от морского ветра, вечно запертое на замок лицо. И вдруг - брови: две резких прямых, угольно-черных черты - и лицо запомнилось навеки из всех.

В руке у капитана Круга - неизменная сигара. Перед ним - робкая заячья мордочка. Капитан Круг не отрывает глаз от пепла на кончике сигары.

- Я тебе сказал - три бутылки в "детскую" наверх. Готово?

Голос ровный, покрытый очень толстым слоем пепла, и только еле заметно надвинулись брови. Но у китайца моментально вырастает голова в плечи, вздрагивает поднос в руках, бормочет: "Се-минут, се-минут", - и мчится в буфет, а из буфета по щербатой винтовой лестнице на антресоли: там - "детская".

Когда перебирались наверх в "детскую", все клубные уставы - и вообще все уставы - оставались внизу. Тут играли по рублю фишка; тут устраивали "чайный домик"; тут в белых японских с драконами обоях - видны черные дыры от револьверных пуль.

Торопливо, задыхаясь в дыму, горят свечи; тучи табачного дыма, и нет потолка, нет стен - просто пространство. Похоже на тихоокеанский туман, когда нет ничего - и все есть, как во сне, и как во сне - все нелепо и все просто.

Давно выпиты три бутылки и еще три. Играть еще не начинали: надо подождать, пока не кончится внизу. Капитан Круг медленно переводит глаза с кончика сигары на кончик туфли мадемуазель Жорж, на тонкий с золотой стрелкой чулок. Эту золотую стрелку знали все, кто видел мадемуазель Жорж на эстраде.

- Ну что же, мадемуазель, будете сегодня отыгрываться? Не на что? Пустяки! Взаимы - хотите?

Левая бровь у капитана Круга взведена вверх, как курок, - все ждут: ну, сейчас... Мадемуазель Жорж - на самом краешке стула, и глаза у ней быстрые, как у птицы: может быть, сейчас клюнет крошку из рук, может быть, встрепыхнется - и в окно.

- А хотите так, не взаимы?

Легкий птичий кивок.

- У-гум, прекрасно... (сигара сбросила пепел). Ну что же: четвертной за каждые два вершка до колен, сто - за каждые два вершка выше.

Щеки у мадемуазель Жорж белые от пудры, и ничего незаметно. Но уши загорелись, и красные пятна на плечах, на шее. Обводит глазами клетку из человеческих лиц - хватается глазами, но не за что ухватиться.

Мадемуазель Жорж встряхивает локонами, улыбается - очень весело - и начинает поднимать платье.

Пышнощекий с детскими ямочками мичман восторженно раскрыл рот и не спускает с Круга молитвенных глаз. Вдруг вытаскивает из кармана желтый складной аршинчик:

- Круг, вот у меня есть, - позвольте, я? Ей-богу, а? Позвольте!

Круг молча кивнул. Мичман с аршинчиком опускается на колени перед мадемуазель Жорж.

- Четыре... Шесть... Пол-аршина...

Уже белое кружево, и между черным и белым - розовеет тело.

- Деньги... - голос у мадемуазель Жорж такой, что ясно: кто-то ее схватил, держит за горло.

Капитан Круг медленно перелистывает новенькие хрусткие бумажки и передает их мадемуазель Жорж. И снова мичман с ямочками выкрикивает: "Десять! Двенадцать!"; мадемуазель Жорж улыбается все отчаянней и все отчаянней бьется глазами в клетке из лиц; капитан Круг неспешно расплачивается за каждые два вершка...

- Под таба-ак! - по-волжски кричит мичман, сияя.